

УТОПИИ

В политических взглядах анархистов хорошо ощущаются утопические веяния. Тем не менее многие из них настороженно относятся к подобной характеристике. Будучи критиками либеральных и республиканских конституций и противниками исторического материализма, анархисты, конечно, представляли в своем воображении анархическое общество, однако бурные дебаты XIX века между ними и марксистскими социал-демократами привели к тому, что понятие утопии стало ассоциироваться у многих анархистов с несбыточными замыслами и напрасными надеждами. На одну чашу весов был положен социальный конформизм, жесткие системы, законченность и решительность, на другую — эскапизм и причудливые фантазии. Хотя сами анархисты, например Энглендер, осуждали абстрактные утопии, связанные с Французской революцией, социалисты обвиняли их именно в «утопизме». В какой-то мере это обвинение оказалось даже полезным. Сегодня многие анархисты защищают анархию именно как хорошую идею, лишенную утопичности. Пример тому — анонимное заявление «Анархия против утопии!» (Anarchy Against Utopia!):

“ «У анархии нет ни платформы, ни концепции развития общества. Нет идеала, к которому нужно было бы стремиться. Нет образа того, что является идеальным. Будучи анархистами, мы признаем: ничто не совершенно, даже природа. И мы принимаем несовершенство, потому что это противоположно стремлению к внешнему идеалу. Несовершенство подразумевает разнообразие и красоту. Мы понимаем, что, какой бы образ жизни мы ни вели, мы не будем совершенны и что, какое бы общество мы ни создали, оно не станет совершенным. И в совершенном, и в несовершенном обществе будут возникать проблемы, большие и маленькие. В совершенном обществе все эти проблемы решаются с помощью одного и того же идеала; однако в несовершенном обществе их можно решать в зависимости от того, что они собой представляют: каждая проблема отличается от других и требует своего решения»[279].

Анархисты, которые в принципе поддерживают утопизм, обычно делают это с позиции «антиутопических утопистов», то есть как критики утопических проектов. Таков был аргумент Мари-Луизы Бернери, когда она проводила различие между авторитарными и анархическими утопиями. Будучи членом лондонской группы Freedom, действовавшей в межвоенный период, и лидером антифашистского движения, она утверждала, что анархистов «волнует не безжизненная структура организации социума, а идеалы, на которых может быть построено лучшее общество»[280]. Хотя «безжизненность структуры» — это действительно одна из проблем, волнующих анархистов, проведенное Бернери различие представляется чрезмерно однозначным. Более поздние рассуждения Колина Варда на эту тему куда полнее отражают разнообразие созданных анархистами утопий.

Прямой вопрос, который ставят утопии, звучит следующим образом: «Как мы могли бы или как нам следует жить?»[281]

Ответы на него могут быть самыми разными. Некоторые анархисты использовали для этого известный литературный прием «хорошее место — несуществующее место». К примеру, «Страна здравого смысла» (Common-sense Country) — книга Луизы Бевингтон, опубликованная в 1896 году, — представляет собой поэтичное, слегка сатирическое, проникнутое духом романтики изображение коммунистической утопии, в котором анархистский подход используется для высмеивания непоследовательности существующего мирового порядка. В «Стране здравого смысла» нет рынка недвижимости, а только само жилье. Люди с удовольствием занимаются повседневной работой, товары распределяются по справедливости, и все живут хорошо:

“ «Нигде в Городе здравого смысла... вы не увидите... чтобы тонны зерна или рыбы уничтожались под тем безумным предлогом, что их невозможно продать дороже себестоимости, хотя при этом... мужчины и женщины (со своими детьми) голодают и сходят с ума от того, что не могут понять, как им выкупить те самые продукты, которые они же и посадили, вырастили, переработали, поймали в реке или иным способом сделали их доступными людям».

Страна здравого смысла — это светское, антирепрессивное, некарательное общество. Здесь нет церквей и храмов, нет тюрем. «Небо было достаточно непорочным для того, чтобы просто сидеть под ним или даже петь духовные гимны». Жизнь течет неторопливо, ведь время здесь — не деньги. От школ отказались, чтобы процветало образование. На свои «искренние, наивные и простые вопросы дети получали честные, точные и такие же простые ответы на понятном им языке». Поэтому «в дальнейшем им не нужно было переучиваться». Деньги тоже отменены, а это значит, что нет ни королей, ни полиции, ни армий, ни оружия, «ни ночлежек, ни борделей, ни судов по бракоразводным делам, ни женских монастырей, ни исповедален, ни предвыборной борьбы, ни забастовок, ни адских машин, ни виселиц». Никто не вправе управлять «двумя, пятью или десятью городами, рынками или общинами». Здесь царят честность и неподдельность. «Даже газеты отражали реальные мнения и доносили реальную информацию». Во главе угла здесь стоят либертарные ценности. «Пользовался уважением и приветствовался каждый оттенок индивидуальности, разнообразие было многообещающим и интересным. Никто не пресмыкался, никто не лицемерил, никто не льстил, не лгал и не клеветал; потому что все это было не нужно». Действительно прекрасное место. Свою историю Бевингтон завершает следующими словами: «В Стране здравого смысла царили мир и доброжелательные отношения между людьми, а счастье и полнота жизни стали естественным порядком вещей»[282].

Один из самых любимых анархистами зрительных образов — картина Поля Синьяка «Во времена гармонии. Золотой век не в прошлом, а в будущем», где обыгрываются аналогичные идеи. Будучи завершена в 1894–1895 годах, когда анархистский террор в

Париже достиг своего пика, а Синьяк перебрался из столицы на юг, картина изображает фигуры на фоне средиземноморского пейзажа, которые олицетворяют «анархические идеалы социальной гармонии, изобилия свободного времени и естественной красоты»[283]. Отсылка к Золотому веку — это аллюзия на Эдем, но изображенные на картине люди вполне современны.

Эти совершенные образы, несомненно, вызвали бы раздражение у Ярроса, которому было не до «утопий, сентиментальных излияний и возвышенных идеалов»[284]. В то же время их сложно интерпретировать как шаблонные анархические модели либо как то, что философ и анархист Мартин Бубер называл «картиной желаний», выражением бессознательного стремления, «мечтой, грезой» или «захватом незащитной души»[285]. Не были они и политическими программами, завуалированными под искусство. Многие принципы, положенные в основу «Страны здравого смысла», Бевингтон подробно изложила в 1895 году в своем «Анархическом манифесте» (Anarchist Manifesto)[286]. Вслед за Томасом Мором, давшим в XVI веке начало этому жанру своим шедевром «Утопия», Бевингтон описывает в «Стране здравого смысла» такое будущее, которое не является чем-то невозможным[287]. Но, в отличие от Мора, она пишет о несуществующем, появлении которого мешает окружающая реальность, иллюстрируя тем самым концепцию Бубера об утопии как «истине завтрашнего дня»[288]. Эта полная печали и нравственного смысла история представляет то, что Бевингтон лично вкладывала в понятие анархистских целей. И «Страна здравого смысла», и «Во времена гармонии» творчески воплощают идею о лучшей жизни, которую миллионы людей связывают с анархией. Для Бевингтон и других анархистов-утопистов вдохнуть жизнь в анархические принципы значило показать, что невозможное возможно.

Провести границу между планом и утопией довольно сложно, однако содержащееся в «Платформе» замечание намекает на их взаимосвязь: «Анархизм является не причудой воображения, не кабинетной мыслью философа, а социальным движением трудовых масс...»[289]. В анархическом утопизме одновременно присутствуют и практический аспект, и концептуальный. Того же мнения придерживался и Мартин Бубер. В «утопическом социализме» он обнаружил «органически конструктивный и органически целеустремленный плановый компонент, направленный на реструктуризацию общества». Характерным признаком утопического социализма, по его мнению, было то, что такая структурная перестройка происходит не в каком-то «неопределенном будущем, когда диктатура пролетариата "сойдет на нет", а начинается здесь и сейчас, в конкретных условиях настоящего»[290].